

ТАЛАНТ И ЩЕТ СЕБЯ

РАЗГОВОР об этом человеке и художнике меньше всего хотелось бы вести в юбилейных тонах. Актер этот находится «на середине жизненного пути», и рано еще подводить итоги, не время для юбилейной похвалы. Но размышлять вместе с ним о сделанном, пытаться определить перспективу его завтрашнего творчества — для этого не нужно ждать подходящего момента: об этом говорить всегда своевременно. Тем более, когда речь идет о художнике беспокойном, не удовлетворенном собой, постоянно ищущем свою тему, свое кредо...

Георгий Модестович Яшунский появился на сцене «Красного факела» почти четыре года назад, сыграв разведчика Вересова в спектакле «Самая короткая ночь». Новосибирцы не видели его прежних работ, не читали рецензий на страницах новозунецких, челябинских, омских газет. Для них он был художником, стоящим в начале своего пути, хотя и во всеоружии опыта и мастерства. И первая же встреча оказалась радостной: было очевидно, что театр приобрел актера талантливого, внутренне сильного, мыслящего.

Всего за несколько лет до приезда в Новосибирск Георгий Модестович играл молодых героев — Валерика в «Проводах белых ночей», Виктора в «Ир-

кутской истории», Марата в пьесе «Мой бедный Марат». Теперь ему предложили возрастные роли, сразу покончив и с тем амплуа, в котором его часто использовали в Омском театре — амплуа «героического любовника». Яшунский согласился с этим: в конце концов, годы идут. Но такая перемена репертуара для артиста была, на наш взгляд, нелегкой, и о ней слезует еще и еще раз подумать.

Омичи полюбили Яшунского в роли Платонова — героя пьесы «Океан», капитана военного корабля, мужественного, сильного, цельного в своей нравственной сути человека. В «Красном факеле» Яшунский сыграл подобную роль единственный раз — в спектакле «Самая короткая ночь». Но после того, как он зарекомендовал себя блестящим исполнителем роли Топаза в одноименной комедии французского драматурга Марселя Паньоля, актеру стали поручать только роли характерного плана. И снова Георгий Модестович принял это как должное. Тем более, что именно такие роли ему действительно всегда удавались. И даже когда он играл Мартынова в «Советы», то делал этот персонаж не тем прямолинейным героем, который кроет правду-матку в глаза всем и каждому, а играл его застенчивым, неловким, даже смешным, но до конца честным человеком — именно при-

верженностью Мартынова правде, справедливости, его исключительная совестливость и дела ли его героем...

Застенчивый, робкий, некрасивый — это было для Яшунского не просто удачно найденной характеристикой: артист принципиально стремился в последние годы отказаться от внешней красоты, от «голубиных» образа. Героическое или просто человеческое ему хотелось находить в обычном, но не будничном, не бытовом: его влекло к гротеску, к заостренному образу.

Это стремление актера воплотилось в образе Топаза. Яшунский играл близорукого человека в бархатных штанах и курточке, неловкого, нескладного, непременно задевающего мебель в гостиной, задыхающегося и глотающего слова от волнения. Это было живое воплощение неприспособленности и непрактичности. И тем разительнее оказывалось его преображение, когда он, усвоив мораль и методы «деловых людей», сам становился одним из сильных мира сего. При этом гротеск не исключал многомерности образа: Топаз (недаром у него такое имя!) сохранял где-то в глубине своего существа способность взглянуть на себя глазами прежнего человека и ощутить в полной мере несчастье свое в окружении богатства, на вершине делового успеха.

В роли Топаза проявилось умение актера не только создать очень острый характер, но и, как бы выйдя из образа, дать оценку герою, более того — обобщить те жизненные тенденции, которые выражены в его поведении. В одной из сцен, сидя на столе и обращаясь к залу, Яшунский уже не от лица героя, но от своего собственного говорит о железных законах жизни, непреодолимых для людей, подобных Топазу, о том, что все эти люди глубоко несчастны...

Это прием, родственник брехтовским «зонгам». Нечто похожее мы видели в «Беге» М. Булгакова, в «балладе о долларе». Чтобы отказать просителю в деньгах, богатому негодяю Корзухину нет надобности произносить похвальное слово всемирному доллару. Но монолог этот, по существу, и не адресован Голубову. В сознании Корзухина вдруг оформляется кредо всей его жизни, и если он забывает о собеседнике, то вовсе не забывает о самом себе: доллар и я, один из владеющих им, один из причастных к тем, кто управляет миром, — таков смысл его монолога. И потому столько гордости самим собой, столько упоения своим могуществом и такое восторженное преклонение перед долларом звучит в его словах.

Яшунский, несомненно, живет в этом образе, но одновре-

менно он и «отчуждает» его от себя. Заметьте, какие искусственно-театральные жесты у Корзухина, какой нарочито-убыстряющийся ритм приобретает его речь, — словно он взвизгивает себя, искусственно нагнетает свой энтузиазм, и даже когда монолог окончен, Корзухин еще жестикулирует, как заведенный...

Яшунский — поборник театра интеллектуального. И потому, приступая к любой роли, он стремится ответить для себя: что он сможет сказать зрителю, чем он поможет ему решать всегда сложный вопрос — как жить? Эти раздумья возникают у актера и тогда, когда он играет роль человека современного, например, Артемьева в «Маленькой докторше», когда обращается к классике (роль Афанасия Пушкина в «Борисе Годунове»).

Но, конечно, этот вопрос с особенной остротой встает перед актером, когда ему поручается в спектакле центральная роль. Так было при постановке «Беспокойной старости», где он играл профессора Полежаева. Во имя чего нужно ставить этот спектакль сегодня? Чтобы показать путь лучшей части русской интеллигенции в революцию? Очевидно. Но во всяком спектакле, кроме проблемы исторического характера, связанной с определенной эпохой, должна быть и тема «вечная», решаемая

и сегодня. Артист поставил своей задачей — проследить корни «беспокойной старости», изучить темперамент, движущие силы души, позволяющие человеку и на склоне лет быть молодым. Основной чертой характера Полежаева артист избрал его одержимость — во всем, что бы тот ни делал.

Как-то Георгий Модестович сказал, что артист должен вкладываться весь в спектакле, ничего не оставляя про запас, до следующего раза. Он так и играет Топаза и Полежаева, хотя в последнем, пожалуй, чувствуется перевозбужденность героя.

Почти с самого начала своей актерской работы артист ставил целью играть человеческое, а не амплуа, стараться меньше проявлять себя во внешнем, но больше иметь за душой («Поворот глаз — это уже мизансцена», — говорит артист). Ему хотелось мыслить на сцене, вовлекая в этот процесс и зрителей, а для этого найти свою тему. И он нашел ее, сыграв Вердерникова в «Годах странствий» А. Арбузова — тему талантливого интеллигента в современном обществе. С этого времени он перестал быть просто молодым актером, эксплуатирующим природные данные, — он стал актером, играющим сознательно, во имя целого, во имя идеи, необходимой людям сегодня. Георгий Модестович любит

телевидение, где, по его словам, можно сужать круг выразительных средств до мысли в глазах. Но он при этом согласен со словами Ролана Быкова, что современный актер должен уметь играть в разных манерах — в зависимости от жанра спектакля. Выступая против «правденки» на сцене, против той «простоты», которая актеру недорогого стоит, против повторения уже найденного, артист справедливо требует сложного, утонченного, очень острого психологизма.

Но, пожалуй, где-то он и впадает в крайность. Его самого, например, не устраивает роль Вересова, хотя в ней он сумел добиться осуществления своего принципа: «минимум внешнего, максимум внутреннего». Артист стремится к повышенной выразительности, к слишком острому жанру спектакля. Тем самым он му рисунку, иногда и вопреки создает и у режиссуры, и у части зрителей ложное представление о том, что его призвание — только роли характерного плана. Между тем, по нашему глубокому убеждению, до сих пор остаются неиспользованными большие возможности Яшунского в амплуа социального героя.

Есть актеры, любовно приводящие в порядок свои личные архивы, наклеивающие в альбо-

мы фотографии, рецензии и программки. Архив Георгия Модестовича — несколько папок, пребывающих в полном беспорядке: не настало еще время для подведения итогов, нет поводов для благодушия, актер критически относится к сделанному, по пальцам готов перечислить роли, к которым «можно относиться без содрогания», главные его роли — еще впереди. И он, несомненно, сыграет их, он должен их сыграть!

Юрий ПОСТНОВ.
На снимке: сцена из спектакля «Топаз». Топаз — арт. Г. Яшунский.
Фото В. Ахмеровой.

ВЕРНИИ ПОДРОБНЕЙШЕ

26 МАЯ 1989